

Б.М. Пудалов

**ОБ ИЗУЧЕНИИ И ПУБЛИКАЦИИ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА**

Выступая 9 октября 2017 г. на Международной научной конференции «Великая российская революция 1917 года: сто лет изучения», руководитель Федерального архивного агентства (Росархив) д. и. н. А.Н. Артизов подчеркнул: «Мы, российские историки-архивисты, прекрасно знаем, что достоверное прошлое существует, поскольку существуют подлинные исторические источники, которые отражают реальные исторические факты. Надо только уметь работать с этими источниками». В этом коротком, но очень емком высказывании сформулирована методологическая основа нашей работы: во-первых, существует прошлое как объективная реальность; во-вторых, возможно его достоверное отображение и изучение; в-третьих, основа достоверного, объективного изучения прошлого – исторические источники. Здесь же есть и методическое указание: привлекаемые к изучению источники должны проходить предварительную проверку на подлинность и достоверность, дабы убедиться, что они действительно отражают реальные исторические факты, события далекого прошлого. Полноценную критику источников (в нашем случае – документальных) в состоянии обеспечить специалисты, профессионально владеющие знаниями и навыками в области дисциплин историко-архивного профиля.

Данная статья носит преимущественно теоретический характер (в некоторых вопросах – дискуссионный), но основывается на практике работы с архивными документами по истории революционного движения в Нижегородской губернии.

В организации работы государственных архивов России с документальными источниками той или иной эпохи нередко наблюдаются два диаметрально противоположных подхода:

1. «Архивы – научные центры». В современном обществе от архивистов зачастую ждут решающее слово в оценке исторических событий, поэтому велик соблазн перейти к выводам и оценкам. Между тем, на наш взгляд, выводы и оценки – это прерогатива скорее ученых-историков, но не архивистов.

2. «Архивы – хранилища документов». В своей крайней форме такой подход способен привести к отказу от научно-методической работы архивистов. Сохраняемые документы будут восприниматься в архивах только как «единицы хранения», но не как исторические источники, и тогда сами историки-архивисты неизбежно превратятся в «кладовщиков при хранилищах».

Не соглашаясь с этими двумя крайностями, можно, тем не менее, попытаться обозначить сферу собственно архивных научных интересов в использовании исторических документов. На наш взгляд, это документальное источниковедение и археография (камеральная и эдиционная), то есть научные методы описания и публикации архивных документов. Актуальность этих направлений работы наглядно показала, среди прочего, и подготовка издания по истории Нижегородской губернии в 1914 – начале 1918 г.¹

Рассмотрим подробнее эти направления работы историков-архивистов. Документальное источниковедение подразумевает критику источника с целью определения его подлинности и достоверности. Выполняя эту работу (при описании документов или подготовке издания – безразлично), историк-архивист обязан проанализировать: 1) внешний облик документа (носитель, исполнение текста и его особенности); 2) его содержание. На основе анализа предлагаются атрибуция и датировка, а конечным результатом должен стать вывод о степени подлинности и достоверности архивного источника.

Серьезные трудности вызывает внешняя критика документов XX в., ввиду слабой разработанности вспомогательной дисциплины – неографии. В отличие от палеографии, здесь практически отсутствуют необходимые пособия и альбомы по сортам применявшейся бумаги, видам и лентам пишущих машинок, вариантам подписей. Поэтому

документ без точной даты приходится датировать, как правило, по его содержанию, упоминаемым персоналиям и событиям, что снижает точность датировки. Порой нелегко сделать вывод и о подлинности источника. Так, например, пресловутые «незаверенные машинописные копии», включенные в ранее выходявшие издания, требуют выяснения их происхождения².

Применительно к документам по истории революции 1917 г. в Нижегородской губернии источниковедческие проблемы, на первый взгляд, не могут возникнуть, если речь идет о хорошо разработанном и отлаженном управленческом делопроизводстве. Примером могут служить протоколы заседаний Нижегородской городской думы, составленные опытными стенографистками, заверенные подписями участников заседаний, прошитые и скрепленные сургучной печатью (ЦАНО. Ф. 27. Оп. 1). Как правило, не возникает сомнений в подлинности и достоверности источника при работе с управленческой документацией, например, промышленных предприятий.

Но уже с документами полиции и жандармерии, безусловно подлинными, порой возникают сомнения в правильности и объективности изложения фактов, так как информация зачастую опиралась на слухи, донесения агентов разной степени осведомленности и т. п. Попадаются и откровенные ошибки, например, в определении партийной принадлежности тех или иных лиц³.

Еще сложнее установить степень достоверности документов из фондов органов административного управления губернией. Так, в «Отчетах по Нижегородской губернии» за предреволюционные годы заметны следы правки на разных этапах подготовки документа. Причина – личная заинтересованность, а порой и самоцензура составителей отчетов, стремившихся показать не то, что реально происходило в губернии, а то, что, по их мнению, хотело бы получить начальство в столице. Поэтому свидетельства управленческих документов требуют системного и многоаспектного анализа, доступного лишь профессионалам, ибо «рукописи не говорят, если не научиться их понимать».

Еще более нуждаются в критическом отношении другие виды источников: публицистика революционной эпохи намеренно тенденциозна; мемуары нередко писались по принципу «Все, что было не со мной, помню» (если автор причисляет себя к победителям), либо «Виноват не я, а все прочие» (если автор – из потерпевших поражение). Поэтому, кстати, неудивительно, что сторонники версий о субъективных причинах революции опираются преимущественно на документы личного происхождения или на непроверенные парадные реляции высших органов власти, тогда как их оппоненты последовательно вводят в научный оборот управленческую документацию (столичного и регионального уровней), добываясь большей весомости своих выводов.

Сложность источниковедческих и археографических проблем, возникающих применительно к заявленной теме, можно показать на примере издания «Дневник Венедикта Осиповича Фролова» (Н. Новгород, 2015). Источником издания стал архивный документ ЦАНО из фонда журналиста и краеведа А.Г. Исаева (ЦАНО. Ф. 401. Оп. 2. Д. 454). Профессиональный историк-архивист, изучающий подобный источник, прежде всего, изложил бы «историю вопроса»: 1) кто и когда впервые выявил источник; 2) личность фондообразователя и обстоятельства (хотя бы предполагаемые) включения документа в фонд; 3) перечень выполненных ранее публикаций (если они были) или беглых упоминаний об источнике в научной или краеведческой литературе. Затем историк-архивист привел бы результаты источниковедческого анализа («внешняя и внутренняя критика источника») и сделал бы вывод о степени подлинности и достоверности документа. Далее, если вывод положительный, должен публиковаться текст, с соблюдением действующих ныне «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), затем справочный аппарат (прежде всего, указатели именной и географической) и, наконец, приложения (например, биографические материалы, комментарии исторического характера к тексту).

Ничего этого в рассматриваемом издании нет. «История вопроса» и анализ источника отсутствуют начисто, а с

требованиями эдиционной археографии публикаторы явно незнакомы⁴. Дальше начинаются недоуменные вопросы и замечания. Во-первых, публикуемый источник, вопреки издателям, не может быть определен как «дневник»: с большой натяжкой его можно было бы назвать дневниковыми записями (например, л. 70–90), но в первой части вообще нет записей с разметкой по дням (например, л. 2 об. – 40 об. и далее). Вероятно, поэтому сам автор определил жанр как «памятная книжка». Во-вторых, опять-таки вопреки утверждениям издателей, якобы «нашедших» источник, о его существовании было известно и ранее: 19 августа 1967 г. А.Г. Исаев (фондообразователь) подготовил о Фролове и его «памятной книжке» телепередачу с публикацией фрагментов текста⁵. В-третьих, существовал и расширенный вариант воспоминаний В.О. Фролова о своем участии в событиях у Зимнего дворца, написанный 22 сентября 1931 г. для «Комиссии по сбору исторических материалов Октябрьской революции» (вероятно, для Истпарта)⁶. Текстологическое сопоставление обоих вариантов воспоминаний В.О. Фролова не проводилось издателями, которые, кстати, умудрились не сообщить в издании полный архивный шифр публикуемого источника.

Но это далеко не все. Задуматься заставляет внешний вид источника. Носитель текста (бумага, обложка), несомненно, подлинный, дореволюционный, хотя датирующим признаком это быть не может: есть масса примеров того, как сохранившиеся дореволюционные блокноты, тетради и даже «гроссбухи» использовали в условиях нехватки бумаги десятилетия спустя, вплоть до конца 1940-х гг. Характер письма по старой орфографии в «Памятной книжке Фролова» вроде бы тоже указывает на дореволюционный период создания источника, хотя известны примеры употребления «ятей», «и-десятиричных» и т. п. в личной переписке вплоть до 1930-х гг. – в силу привычки у пожилых людей и даже по идейным соображениям. Однако здесь важно другое. Обращает на себя внимание аккуратность записей: почерк хорошо разработан, строчки ровные, прямые, буквы отчетливые. Так можно писать в комфортных условиях, но не в

окопе и не на вагонной полке. Между тем, в тексте автор постоянно отмечает, что в период пребывания на фронте он, рядовой самокатчик, находится в условиях, лишенных элементарного комфорта⁷. Но на указанных листах нет никаких следов загрязнений или подтеков от влаги! Следовательно, архивный документ, по которому выполнена публикация, – не первоисточник, а либо беловик с несохранившихся черновиков, либо вообще записи по припоминаниям (на что указывает отсутствие разбивки по дням в первой части «дневника»). В любом случае, между непосредственными личными впечатлениями автора и дошедшими до нас записями прошло какое-то время – какое? Для профессионального историка-архивиста это вопрос принципиальный, потому что от его решения во многом зависит вывод о степени достоверности источника.

Изучение содержания («внутренняя критика источника») лишь усиливает сомнения, особенно при изложении роли В.О. Фролова в событиях Октябрьского переворота 1917 г. и при штурме Зимнего дворца (л. 84–85 об.). Интересно, что автор приводит только даты: «21–22–23–24», но ничего не сообщает о событиях, происходивших 21–23 октября. Таким образом, отсутствует даже беглое упоминание о собрании в цирке «Модерн» 23 октября 1917 г. (здесь и далее даты по старому стилю), где решился вопрос о политической ориентации 1-го батальона самокатчиков: участники митинга приняли резолюцию о поддержке большевиков⁸. Такая «избирательность» памяти мемуариста была бы непонятна, если бы «дневник» велся в 1917 г., непосредственно в ходе событий, – зато она логична, если допустить, что записи сделаны спустя годы, по припоминанию. Ведь в принятии резолюции митинга решающую роль сыграло выступление Л.Д. Троцкого, о котором с конца 1920-х гг. упоминать становилось «неудобно»⁹.

Сам штурм Зимнего дворца В.О. Фролов приурочил к 24 октября 1917 г., тогда как это событие произошло в ночь с 25 на 26 октября. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы вновь задуматься о достоверности изложения.

Далее Фролов утверждает, что в 18.30 24 октября 1917 г. ему было поручено «отвезти [из Петропавловской крепости, где находился самокатный батальон. – *Б.П.*] ультиматум штабу округа и Временному правительству с требованием сдать». Кем «поручено»? – Судя по контексту (л. 84, с. 46, 47 издания), комендантом Петропавловской крепости Г.И. Благонравовым, имя которого Фролов не назвал почему-то, хотя оно указано (в виде инициалов) под текстом ультиматума. При этом хорошо известно, что сохранившийся ультиматум от имени ВРК был адресован только Временному правительству, но никак не штабу округа! В тексте ультиматума был прямо оговорен и его срок: 20 минут¹⁰. Далее (л. 84 об.) Фролов пишет, что он прибыл в штаб округа (не в Зимний дворец, где располагалось Временное правительство!) и «отдал ультиматум генералу Баградуни. И тут же были члены Временного правительства Кишкин и другие», которые затем «отправились во дворец».

Судя по этим скупым строчкам, мемуарист вручает ультиматум все-таки штабу округа – то есть, буквально, командующему Петроградским округом генералу Я.Г. Баградуни, а не Временному правительству, от которого здесь же находился Н.М. Кишкин, принявший полноту власти после бегства А.Ф. Керенского. Но это дало основание издателям «Дневника В.О. Фролова» именовать автора «первым парламентаром к Временному правительству»¹¹. Примерно так излагал события и академик И.И. Минц в 1941 г.; схожая версия приведена и в книге В.И. Старцева «Штурм Зимнего», но здесь названы инициалы и фамилии самокатчиков: В. Фролов и А. Галанин¹². Судя по тому, что в «памятной книжке» Фролова второй самокатчик назван «Галаев» и без инициала, В.И. Старцев пользовался не ею, а, скорее всего, материалами Истпарта, где учтено письмо Фролова от 1931 г., либо восходящими к данным материалам публикациями.

Важность этих событий, а также отдельные разночтения заставляют перепроверить свидетельство В.О. Фролова по другим, независимым источникам. В.И. Старцев, старавшийся восстановить ход событий вокруг Зимнего двор-

ца по всем доступным ему свидетельствам, механически соединил с версией Фролова другую версию событий, по которой парламентаром от ВРК к Временному правительству был направлен Г.И. Чудновский, вошедший в Зимний дворец в 18.50 в сопровождении П.В. Дашкевича¹³. Фролов, по его записи, прибыл в штаб округа «24 октября» (фактическая ошибка), причем не ранее 19.00: чтобы добраться от Петропавловской крепости на Дворцовую площадь через Троицкий мост, требуется примерно полчаса. В это время, то есть приблизительно в 19.00 (или, уж если быть совсем пунктуальным, после 18.30 и около 19.00), Н.М. Кишкин и некоторые другие члены Временного правительства находились в штабе округа, где приняли самокатчиков с ультиматумом. Показания генерал-квартирмейстера штаба округа подполковника Н.Н. Пораделова, которого Фролов в записях именует «Порабелов», подтверждают эту версию: «Около 7 часов [вечера. – *Б.П.*]»¹⁴.

Приходится, однако, констатировать странную путаницу со временем, местом и составом действующих лиц событий вокруг ультиматума. Версия Фролова противоречит хорошо известному и документированному независимыми источниками факту, что в 18.30 членам Временного правительства был подан обед в Малой столовой, так что в ближайшие полчаса ходить в штаб округа они никак не могли¹⁵. И тут появляется другая версия событий, звучащая в изложении В.И. Старцева так: «Пока министры обедали, Пальчинский, проверив караулы, сделал торопливую запись в своем дневнике: „Стягивание кольца вокруг площади“. Ему доложили, что во дворец прибыли представители Военно-революционного комитета Г.И. Чудновский и П.В. Дашкевич. Пальчинский приказал арестовать их», и далее кратко изложены переговоры Чудновского с юнкерами в Зимнем дворце, после чего «оба посланца ВРК были беспрепятственно выпущены из дворца»¹⁶. Этот текст В.И. Старцева опирается на мемуарное свидетельство – статью комиссара Петроградского ВРК Г.И. Чудновского «В Зимнем дворце перед сдачей», написанную и напечатанную через две не-

дела после событий. Точной, поминутной хроники нет, но Г.И. Чудновский утверждал, что принимать решение идти в Зимний дворец ему пришлось «около 6 часов вечера, 25 октября» (конечно, не 24-го!). А далее расчет времени по отрывочным свидетельствам мемуариста выводит опять-таки примерно на 19 часов, когда Чудновский «подошел к залу заседаний Временного правительства», где сообщил собравшимся юнкерам о положении дел¹⁷. Путаницу усиливает то обстоятельство, что начальник штаба округа генерал-майор Я.Г. Багратуни с 18.30 не менее получаса беседовал по прямому проводу с главнокомандующим Северным фронтом генерал-майором В.А. Черемисовым; около 19 часов Багратуни у аппарата сменил Пораделов, и разговор оборвался примерно еще через полчаса сообщением о занятии штаба округа войсками ВРК. О присутствии в штабе Н.М. Кишкина и его заместителей, а также об ультиматуме Временному правительству в этом разговоре нет ни слова¹⁸.

В итоге приходится с сожалением констатировать отсутствие критического анализа разных версий не только у издателей «Дневника В.О. Фролова», но и у В.И. Старцева. Однако роль и полномочия Г.И. Чудновского в событиях в Зимнем дворце 25 октября 1917 г. (именно 25-го, а не 24-го, как утверждал Фролов, и на что не обратили внимание издатели его «памятной книжки»!) подтверждаются независимыми источниками¹⁹. Причины умолчания о Чудновском в работе И.И. Минца совершенно очевидны: «великий комбинатор» истории Октябрьской революции считал «неудобным» в 1941 г., да и позднее, упоминать Г.И. Чудновского, который в 1917 г. входил в ближайшее окружение Л.Д. Троцкого и фактически был его ближайшим помощником²⁰.

Все перечисленные проблемы источниковедческого анализа «памятной книжки» В.О. Фролова не были ни поставлены, ни рассмотрены ее издателями. Кстати, это относится не только к версии о «первом парламентарере», но и к свидетельствам под другими датами. Так, издатели на основании записей под 24 ноября – 24 декабря 1917 г. полагают, что

В.О. Фролов служил в ВЧК, хотя, как известно, ВЧК была создана 07(20) декабря 1917 г., а упомянутая Фроловым «комиссия» – это комиссия по учету имущества в Зимнем дворце²¹.

Заслугой издателей «Дневника В.О. Фролова» следует считать только уточнение биографии автора. Это многое объясняет. Оказывается, В.О. Фролов в 1931 г. был осужден за воровство, но благодаря написанным тогда же воспоминаниям «Как я передал ультиматум» вышел на свободу досрочно: власти учли его трудовое происхождение и «революционные заслуги»²². Для таких мемуаров источниковедческий анализ совершенно необходим. Из-за его отсутствия не только нельзя полностью доверять сообщениям мемуариста, но и приходится сомневаться в научной ценности самого издания – если не считать, конечно, возможности его использования на практических занятиях с начинающими историками-архивистами (по теме: «Как нельзя издавать исторический источник»)²³.

Столь подробный разбор «Дневника В.О. Фролова» приведен для того, чтобы показать уровень профессиональных требований к историку-архивисту: издания в духе восторженных дилетантов для нас недопустимы.

Историки-архивисты – не только архивисты, но прежде всего историки. Поэтому в наших конференциях регулярно принимают участие видные ученые, и здесь порой рассматриваются проблемы исторического развития России, выходящие за рамки узкого документоведческого анализа. Примером может служить конференция 2014 г. в г. Чебоксары, посвященная 100-летию начала Первой мировой войны²⁴. Именно там учеными-историками и архивистами совместно ставился вопрос о значении «Великой войны» для российской революции 1917 г.: играла ли война решающую роль («Если бы не она, революции бы не было») либо лишь обострила ранее существовавшие противоречия, усилив до предела противостояние сторон, с последующим кровопролитием.

Рассуждения на тему «Что было бы, если бы...» едва ли можно считать научными. Но в распоряжении историков –

и архивистов в том числе! – есть метод сравнительно-исторического анализа: исторические процессы, реально происходившие в ряде стран со схожими условиями, позволяют делать выводы о том, что совершилось бы в интересующей нас стране, пойдя она по аналогичному пути. Это почти как в математике: «дано», «доказать» и «доказательство».

Применительно к обозначенной проблеме роли Первой мировой войны в революционном процессе «дано»: страна, 1) по форме правления – самодержавная монархия с ярко выраженным абсолютизмом, пытающаяся непоследовательно и безуспешно двигаться к монархии конституционной, но каждый раз откатывающаяся назад, к возмущению значительной части общества; 2) в экономике – нерешенный аграрный вопрос; господствует помещичье землевладение; крестьяне требуют землю, но не получают ее; 3) растущий рабочий класс пытается получить социальные и политические права (охрана труда, профсоюзы, 8-часовой рабочий день), но безуспешно; 4) есть государственная («господствующая») религия; свобода совести законодательно ограничена, и стремление к ней подавляется государством; 5) национальные окраины просят автономии, запрет которой ведет к постепенной радикализации требований. «Доказать»: способен ли привести весь перечисленный комплекс проблем к революции без Первой мировой войны? – Да, способен, и «доказательство» тому неоднократно приводилось учеными-историками (например, Б.И. Колоницким): это Испания – страна, для которой как раз и были характерны все перечисленные выше проблемы. Типологическую близость экономических, социальных, политических, национальных, культурных проблем России и Испании в начале XX в. трудно не заметить. Но Испания не участвовала в Первой мировой войне, сохраняя нейтралитет и получая благодаря этому известную прибыль. Однако самодержавие и здесь было свергнуто в 1923 г., с провозглашением республики в 1931 г.: накопившийся комплекс проблем привел к системному кризису, за которым последовали революционный взрыв и падение монархии.

В России, где указанные проблемы обострились значительно раньше, системный кризис самодержавной монархии привел к революционному взрыву уже в 1905–1907 гг. Революция была подавлена, но проблемы так и не были решены, что вновь усилило революционное движение в 1912 – начале 1914 г., причем волнения в Петербурге весной 1914 г. сопровождалась сооружением баррикад. Первая мировая война отодвинула на некоторое время эти вопросы в 1914–1915 гг., но обусловила значительный рост недовольства режимом к осени 1915 г. и системный кризис летом-осенью 1916 г., что закономерно повлекло за собой революцию и свержение самодержавия в феврале 1917 г.

В этой связи интересен и вопрос о так называемой «украденной победе». Для современной исторической публицистики характерны утверждения, что, оставаясь в 1918 г. среди воюющих государств Антанты и продолжая «войну до победного конца», Россия оказалась бы среди победителей и могла бы рассчитывать на известные геополитические и экономические дивиденды.

Против такого упрощенного взгляда свидетельствует исторический опыт Италии. Это государство, воевавшее на стороне Антанты с мая 1915 г., понесло большие людские и территориальные потери, соотносимые (в процентном отношении) с Россией. Как известно, Италия продержалась до конца войны, никаких выгод от нее не получила и заслужила прозвище «побежденный в стане победителей».

Но дело, разумеется, не только в исторических примерах. Доступные ныне архивы внешнеполитических ведомств позволяют убедительно опровергнуть версию о якобы утраченных Россией геополитических возможностях из-за «преждевременного выхода» из войны. Документы британского «Форин офис» наглядно показывают, как Англия при разделе Османской империи использовала ослабление своей же союзницы Франции в ходе боевых действий, чтобы за ее счет увеличить свою долю²⁵. Нетрудно представить себе, что получила бы от Англии и Франции Россия, с ее колоссальными потерями уже к началу 1917 г. и

неизбежной утратой обороноспособности в случае «войны до победного конца». Любопытно, что это понимал и российский Генеральный штаб, всерьез допускавший возможность ведения «войны после войны» против вчерашних союзников. В итоге вместо обещанного Константинополя и проливов последовал бы раздел самой Российской империи, обескровленной в ходе боевых действий до последней степени: отторжение Польши и Финляндии, интервенция на Кавказ, в Среднюю Азию, Прибалтику, на Украину, в Поморье и Приморье и «далее везде» – словом, знакомый сценарий 1918–1919 гг., только в другой словесной оболочке²⁶. В такой ситуации «война до победного конца» в 1917–1918 гг. означала бы для России многократное увеличение числа жертв – и только.

Не менее интересен вопрос о преодолении революции с помощью военной диктатуры – так называемой «сильной руки». В современной публицистике всерьез утверждает-ся, что военная диктатура Корнилова спасла бы Россию от гражданской войны, а военная диктатура Колчака либо Деникина, Юденича – от жертв сталинизма, Второй мировой войны и т. п. При этом из «запасников истории» извлекаются и расписываются всеми радужными красками очередные претенденты на роль «спасителей Отечества»: Каледин, Краснов, Мамантов, Дроздовский, Май-Маевский и так далее, вплоть до совершенно уже непотребных барона Унгер-на, графа Келлера и Бермондт-Авалова. При этом нетрудно заметить типологическую близость между переписыва-нием истории в нынешних России и Украине.

История, как известно, не имеет сослагательного накло-нения, но учет и анализ исторического опыта вполне умест-ны для размышления на тему о возможностях развития. И здесь перед нами пример стран, преодолевших револю-цию с помощью военной диктатуры: Германия и Финлян-дия (1918 г.), Венгрия (1919 г.), с некоторыми оговорками – Италия (1922 г.) и Болгария (1923 г.). Преступность устано-вившихся там режимов хорошо известна, и не следует за-бывать, что в Италии и Германии «сильная рука» генералов

сменилась фашистской (нацистской) диктатурой; Венгрия и Финляндия во Второй мировой войне оказались странами-агрессорами в составе гитлеровской коалиции; пособником Германии стала Болгария. В результате все это обернулось страшной бедой для человечества, и количество жертв превзошло все мыслимые и немыслимые размеры. Мало чем отличался испанский вариант, где военная диктатура Франко, возникшая в результате победы в гражданской войне 1936–1939 гг., закономерно стала союзницей гитлеровской Германии и оказывала ей военную помощь в 1941–1944 гг. Потери и для Испании оказались немалыми по отношению к численности населения, но путем военной диктатуры не удалось достичь кардинального улучшения в экономике, о гражданском примирении и говорить нечего, а единство Испании и по сей день под вопросом.

Если условно допустить возможность победы белогвардейцев (Колчака, Деникина, Юденича) в Гражданской войне в России, то перерастание военного режима в фашистскую (нацистскую) диктатуру выглядит почти неизбежным. На реальность такого варианта указывают не только примеры Германии и Италии, но и, в первую очередь, идеология сторонников самодержавия и многих участников белого движения²⁷. Симпатии большинства белых генералов к германскому нацизму, активное сотрудничество атаманов Краснова и Шкуро с гитлеровцами свидетельствуют в пользу такого понимания перспектив. Установление фашистского режима в России привело бы к чудовищным потерям населения внутри страны, а свержение этого режима поставило бы под вопрос саму российскую государственность – если вспомнить исторический опыт раздела Германии странами-победительницами после Второй мировой войны. В этом смысле победа красных в Гражданской войне 1918–1922 гг. и установление Советской власти, с последующим созданием СССР, похоже, спасли Россию от непредсказуемо тяжких последствий.

В итоге следует признать, что работа с документальными источниками по истории революционного процесса в

России в нынешних условиях невероятно сложна и потому требует от историка-архивиста основательной профессиональной подготовки. Исследователь и публикатору архивных документов необходимо не только ориентироваться в специальных историко-филологических дисциплинах (археографии, палео- и неографии, текстологии, исторической географии), но и владеть навыками источниковедческого анализа, а также обладать фундаментальными знаниями, позволяющими сохранять ясные ориентиры в условиях, когда в исторической науке пытается утвердиться «лихая мода, наш тиран, недуг новейший россиян». Для нас остается актуальным завет выдающегося историка-архивиста В.П. Козлова, возглавлявшего архивную отрасль России в 1996–2009 гг.: «...Отвлеченные исторические споры должны послужить сигналом для государства, которое обязано поставить барьер интервенции невежества, коммерциализации и растерянности в освещении истории наших предков. Другие же, кто желают быть обманутыми, пусть будут обмануты»²⁸. Применительно же к научным исследованиям событий 1917 г. в России первостепенная задача архивистов – принуждение к документальному изучению отечественной истории, потому что лишь на этом основании может быть дана объективная оценка Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

¹ «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914 – начале 1918 гг.): сборник документов : в 2 ч. / сост. Е.Э. Ешан. Нижний Новгород, 2018.

² Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии : сб. док. Горький, 1957. С. 62, 63, 123, 131.

³ Так, участник революционного движения в Нижегородской губернии врач В.И. Белянин, проходивший в агентурном наблюдении в 1905–1906 гг. под кличкой «Брюнет», был определен жандармами как эсер, тогда как на самом деле он был членом РСДРП и последовательным сторонником большевиков. Шурин В.И. Белянина, присяжный поверенный А.Б. Заходер (в агентурном наблюдении – «Отличный») воспринимался жандармами как «скрытый кадет» (то есть сторонник «Партии народной свободы»), но он также был членом РСДРП и большевиком до апреля 1917 г., и лишь затем, на почве идейных разногласий и

возражая против «Апрельских тезисов», перешел к меньшевикам, став лидером этой партии в Нижегородской губернии. Кстати, последнее обстоятельство привело Ф.А. Селезнева к досадной ошибке: организованную лидером нижегородских кадетов А.А. Савельевым неофициальную встречу П.Н. Милокова с участниками революционного движения – нижегородцами Б.В. Морковиним и А.Б. Заходером в 1915 г. в Петрограде (в ресторане «Медведь»), ученый истолковал как попытку кадетов найти точки соприкосновения с социал-демократами разных направлений – большевиками (Морковин) и меньшевиками (Заходер). Но в том-то и дело, что Заходер стал меньшевиком значительно позже, и в 1915 г. А.А. Савельев, отец известного большевика М.А. Савельева, организовал Милокову встречу с двумя большевиками.

⁴ В опубликованной рецензии незнание действующих «Правил издания исторических документов ...» справедливо отмечено как серьезный недостаток книги (*Николаев Д. А., Хвостова И. А.* Рец. на: Дневник Венедикта Осиповича Фролова / сост. Т.Л. Грачева, С.В. Тоньшев, Р.Н. Корнев. Нижний Новгород : изд-во «Поволжье», 2016. 84 с. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. № 2 (99). С. 129, 130).

⁵ ЦАНО. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 160. Кроме того, с оригиналом источника тогда же работали историки-архивисты Н.И. Куприянова и Т.А. Житова. Автор этих строк впервые услышал о «Памятной книжке Фролова» в 1982 г. от городецкого краеведа С.Н. Малиновкина, располагавшего копией и активно использовавшего этот источник в своей лекционно-просветительской деятельности.

⁶ Там же. Л. 6–7.

⁷ ЦАНО. Ф. Р-401. Оп. 2. Д. 454. Характерны, например, упоминания на л. 11 об., 38 об., 39, 44; на л. 29 об., 30 В.О. Фролов пишет, что находится в землянке, наполненной водой.

⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957. С. 243. В соответствии с резолюцией митинга уже 23 октября 1917 г. представитель 1-го самокатного батальона указан среди дежурных в Петроградском Военно-революционном комитете (Там же. С. 249).

⁹ О выступлениях Л.Д. Троцкого перед самокатчиками см.: *Троцкий Л. Д.* История русской революции. М., 1997. Т. II. Ч. 2. С. 50. Действительно, в результате митинга самокатчики самовольно снялись с охраны Зимнего дворца в 16 часов 24 октября 1917 г. (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде ... С. 311). Приказ штаба Петроградского военного округа о заступлении в караул у Зимнего дворца 2-й роты 1-го самокатного батальона (Там же. С. 330) был, судя по всему, не исполнен. Ни об одном из этих событий В.О. Фролов даже не обмолвился! Издатели «Дневника В.О. Фролова» осторожно оговаривают причины умолчания:

«Батальон до последнего сохранял верность Временному правительству и не переходил на сторону Военно-революционного комитета» (Дневник В.О. Фролова ... С. 68). Оставим на совести издателей выражение «до последнего», ибо 23 октября 1917 г. – далеко не «последнее». Важно другое: причины «умолчаний» автора становятся понятны, если допустить, что «памятная книжка» писалась или переписывалась позднее, спустя годы, когда Временное правительство и Троцкий были «не ко двору». Для записей, которые велись сразу после событий, объяснить столь вопиющие пробелы затруднительно.

¹⁰ Текст ультиматума с подписями Антонова (Овсенко) и Г.И. Благодрава («Г.Б.») приведен очевидцем событий, министром путей сообщений Временного правительства А.В. Ливеровским (Последние часы Временного правительства (Дневник министра Ливеровского) // Исторический архив. 1960. № 6. С. 45). В издании «Дневник В.О. Фролова» процитировано некорректно, без указания причин сокращений, выступление академика И.И. Минца в 1941 г.: «В спешке забыли указать срок ультиматума, и самокатчик от своего имени дал на размышление 20 минут». Однако в тексте ультиматума, приведенном А.В. Ливеровским, 20-минутный срок прямо оговорен. Ср.: Дневник В.О. Фролова ... С. 69; Последние часы Временного правительства ... С. 45.

¹¹ Дневник В.О. Фролова ... С. 3.

¹² Там же. С. 69–71; *Старцев В. И.* Штурм Зимнего. Л., 1987. С. 88–91 (этот очерк, где ультиматуму посвящена отдельная глава, издателями «Дневника В.О. Фролова» не указан).

¹³ *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 89; на с. 114 автор прямо называет Чудновского и Дашкевича «парламентерами».

¹⁴ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде ... С. 395.

¹⁵ Время обеда (18.30) и даже меню указаны А.В. Ливеровским (Последние часы Временного правительства ... С. 45). См. также: *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 89. Для того, чтобы дойти до штаба округа, немолодому Н.М. Кишкину требовалось еще минут десять (буквальное понимание слов И.И. Минца «... Кишкин побежал во дворец ...» здесь неуместно).

¹⁶ *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 89.

¹⁷ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде ... С. 396–398.

¹⁸ Там же. С. 407, 408.

¹⁹ Помимо официальной документации ВРК, есть любопытное мемуарное свидетельство офицера (фамилия неизвестна) от 27 октября 1917 г. (спустя два дня после событий), где прямо

сказано: «Для переговоров в Зимний дворец прибыл комиссар Военно-революционного комитета Чудновский ...» (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде ... С. 426). Не его ли следует считать «первым парламентом Советской России?»

²⁰ Кстати, на обложку издания «Дневник В.О. Фролова» вынесен в качестве иллюстрации кадр из фильма С.Д. Васильева «В дни Октября» (1958 г., по мотивам книги Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»). В кадре типизированный вымышленный персонаж в солдатской шинели, которого держат за локти два юнкера, стоит, гордо выпрямившись, перед человеком во френче и с кобурой. Повторив иллюстрацию, издатели замечают: «Вот так изображен В.О. Фролов в фильме 1958 г. „В дни Октября“» (Дневник В.О. Фролова ... С. 70).

Для проверки справедливости этого утверждения уместно вновь внимательно посмотреть соответствующие сцены фильма (мы воспользовались размещенной в сети Интернет версией продолжительностью 1:52:52; экранное время приведено ниже по этой версии). Сюжет с направлением парламента для вручения ультиматума Временному правительству выглядит в фильме так:

1:35:22 – Дзержинский, Подвойский и др. собрались около поста павловцев на Невском проспекте (у здания городской думы; впереди виднеется Адмиралтейство). Дзержинский говорит о необходимости направить ультиматум Временному правительству.

1:41:46 – Благодеров произносит, положив трубку телефона: «Это Чудновский. Он идет в Зимний с ультиматумом» (Так! – Б.П.).

1:42:16 – парламентар (вымышленный персонаж: человек в шинели, с белым флагом в руках) обращается со словами ультиматума к стоящему перед ним военному; вокруг стоят и слушают юнкера. Парламентар произносит, обращаясь к юнкерам: «Гарнизон Зимнего дворца должен сложить оружие» (1:42:21). «И все получают право беспрепятственного выхода из дворца, – вновь поворачиваясь к юнкерам, – если вы не сдадитесь...» Человек в военном френче, с шашкой и кобурой на левом боку, говорит о недопустимости переговоров с «бунтовщиками» и отдает приказ юнкерам: «Арестовать его!» (1:42:41). Двое юнкеров хватают парламента под руки, но тут же слышится возмущенный ропот остальных юнкеров: «Это же парламентар!» Парламентар произносит, обращаясь к человеку в военном френче (1:42:45): «Бесполезно, господин Пальчинский!» и говорит о том, что если через несколько минут он не вернется, пушки крейсера «Аврора» откроют огонь по дворцу. Человек во френче (то есть Пальчинский) отдает приказ отпустить парламента, и тот уходит.

Нетрудно заметить, что киноверсия основана отнюдь не на версии Фролова, а на свидетельстве Г.И. Чудновского (Октябрь-

ское вооруженное восстание в Петрограде ... С. 396–398). Примечательно, что создатель фильма С.Д. Васильев сам был участником революционных событий в Петрограде и о штурме Зимнего знал не понаслышке. А издатели-то «Дневника В.О. Фролова», оказывается, забавники: ну как не совестно выдавать желаемое за действительное!

²¹ Дневник В.О. Фролова ... С. 71: «Затем служба в ВЧК, которой Фролов явно тяготится ...» Ср.: ЦАНО. Ф. 401. Оп. 2. Д. 454. Л. 89 (в издании – на с. 49), под 24.11.1917 г.: «Сегодня же и назначен дежурным по комиссии о Зимнем дворце», и ниже, под 28.11.1917 г. – об успешной организации комиссии. К ВЧК эта комиссия не имела никакого отношения; запись под 25.11.1917 г. о приводе многочисленных арестованных лишь фиксирует факт размещения последних в Зимнем дворце.

²² Дневник В.О. Фролова ... С. 79, 80.

²³ Научный приоритет в установлении недостоверности записей В.О. Фролова должен, по-видимому, принадлежать Н.И. Куприяновой (1919–2006) – выдающемуся нижегородскому историку-архивисту, которая на основании источниковедческого анализа сформулировала «вопросы без ответов», так что «Памятная книжка» справедливо оставалась неизданной. Можно лишь искренне сожалеть, что наблюдения Н.И. Куприяновой не были тогда же зафиксированы в письменной форме. На наш взгляд, для окончательного решения вопроса о документальной ценности «Памятной книжки» желательно было бы вообще проверить по независимым источникам (прежде всего, по архивным документам воинских частей, хранящимся в РГВИА) сами факты участия Фролова (он же Матюшкин) Венедикта Осиповича в Первой мировой войне, службы его в 1-м самокатном батальоне, пребывания его в Петрограде в октябре 1917 г. и т. д.

²⁴ Первая мировая война в истории народов Поволжья. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.). Чебоксары, 2015.

²⁵ Из новых исследований по теме см.: *Фомин А. М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010.

²⁶ *Пудалов Б. М.* История Первой мировой войны: взгляд архивиста // Первая мировая война в истории народов Поволжья ... С. 11–18. Из новейших публикаций: *Сергеев Е. Ю.* Русский Октябрь 1917 года в общественном мнении Великобритании // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 3–17. На с. 14 автор приводит характерный фрагмент дневниковой записи виконта Берги, посла Великобритании во Франции: «Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финлян-

дии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось создать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку». Как говорится, комментарии излишни.

²⁷ **Багдасарян В. Э., Реснянский С. И.** Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 3–15. На с. 14 авторы отмечают: «Стоит отметить наличие в тот период [то есть в предреволюционной России. – *Б.П.*] всех компонентов дискурса, присутствовавших позже в Германии времен прихода к власти национал-социалистов. Имея в виду германский трагический опыт, соответствующая перспектива при переходе от дискурса к реальной практике существовала и в России. В этом плане Российская революция 1917 года стала исторической альтернативой не только царскому режиму в его реальном состоянии, но и его потенциальной экстремальной версии, задаваемой вектором развития правой идеологии. Революционное насилие, безусловно, явилось трагедией для значительных групп населения. Но надо иметь в виду, что на другом фланге уже обосновывалось применение насилия по другим критериям, и оно, по-видимому, было бы не менее кровавым. Борьба с классовым врагом могла быть заменена борьбой с врагом этническим, выход которой на уровень геноцидной практики был фактически программируем. Россия оказалась в той исторической ситуации, когда любой из реальных сценариев оказывался сопряжен с насилием и трагедией человеческих судеб». Если оставить в стороне «компоненты дискурса» и прочие нарочитые усложнения научного текста, вывод авторов очевиден.

²⁸ **Козлов В. П.** Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 30.